

Поиски отца

Вот уже более ста дней утекло, как открыт «Крест Скорби». За это время прошло собрание администрации г. Питкяранта с оценкой прошедшего мероприятия, напечатаны новые статьи С.М. Тихомирова; ушел от нас защитник всех погибших на поле брани Питкярантского района Себин Василий Федорович; попал в госпиталь, едва вернувшись в свой Харьков,

восьмидесятилетний участник финской войны, командир танка отдельного батальона при 18-ой стрелковой дивизии, Алексей Иванович Трегубенко; вернулись в семьи к своим

близким дети погибших в «Долине Героев» в 1939-40 гг.; разъехались ветераны Отечественной войны, прошедшие по тем же местам с боями, в войне - «продолжении», как говорят финны. Но остались стоять среди могил, под дождем две женщины - переплетаясь руками, слившись в своей скорби. Надеюсь, не поднимется на них рука вандала, и они будут стоять вечно...

Я счастлив, что задуманный мной мемориальный памятник жертвам финской войны 1934-40 г.г. воплотился в жизнь! Долог и труден был этот путь! В «похоронке» было указано, что мой отец, инженер связи 34-ой легкотанковой бригады, майор Клещевников

Геннадий Тимофеевич, убит 29 февраля 1940 года, с. Леметти, похоронен южнее Леметти. От мамы я узнал, что отец был кадровым военным, вступил добровольно в РККА в 1918 г., отражал наступление Юденича на Петроград, будучи курсантом штурмовал по льду мятежный

Кронштадт, служил в авиации летчиком-радистом, много учился, закончил военно-инженерный факультет Академии связи, был автором книги «Пособие летнаба». Зная, что танки плохо оснащены радиосвязью, после окончания академии просил направить его в танковую часть.

После присвоения звания «майор» он был распределен в марте 1938 г. в Наро-Фоминск, в мехбригаду им. Калиновского, получившую в военное время наименование "34-я легкотанковая бригада".

Начиная с 70-х годов, я писал в «Красный Крест», в главное управление по кадрам Минобороны, но мне ответили, что на территории Финляндии нет захоронения с такой фамилией, а управление по кадрам личные дела уничтожило за давностью лет.

Наконец, в 1978 году, я обратился в архив Советской Армии. Ко мне отнеслись очень чутко, выдали официальную справку, что одиннадцать человек штаба 34-ой ЛТбр захоронены в братской

могиле № 7, указали все фамилии офицеров, приложили схему расположения могилы. Она находилась на той же развилке, где установлен «Крест Скорби», только между дорогами на Петрозаводск и Суоярви.

В марте 1978 года я первый раз приехал в Питкяранту. Явился к военкому, передал ему архивную справку. Он сказал, что на ее основании все 11 человек будут внесены в Книгу Вечной Славы. И направил меня в школьный музей Боевой Славы. Так я познакомился с Себиным Василием Федоровичем. Военком дал нам «газик», и мы поехали в Долину Героев.

Мы облазили все памятники, разгребая некоторые руками от снега. Затаив дыхание, со слезами на глазах, я смотрел на место, где был штаб, где оставался последний пяточок обороны, впервые услышал о прорыве из окружения. Потом я бывал в Питкяранте неоднократно: и один, и с двумя сыновьями, и с женой. Вместе с Онегой Фёдоровной Власовой и Шукой Д.А. мы сажали деревья в парке ветеранов, с начальником отдела культуры Н.С. Тухкиной, Себиным В.Ф. и А.П. Шабликовым ходили на поиски и сбор останков наших воинов, присутствовали при подзахоронении у салминского камня.

По моей просьбе Себин В.Ф. с поисковиками исследовали место, указанное в приложении к архивной справке: прокалывали длинными щупами, делали шурфы.

Пришли к выводу, что в указанном месте могилы нет, хотя люди помнили, что был холм, обнесенный цепями, как обычно делали танкисты. Через некоторое время мне прислала письмо председатель исполкома О.Ф. Власова, в котором писала, что в 1958-60 гг. в городе и его окрестностях

производились укрупнения братских могил, чтобы за ними можно было ухаживать. В перезахоронениях участвовал бывший работник исполкома горсовета Шука Д.А., который сообщил, что могила с того места была перенесена в братскую могилу на разъезд Койриноя, а документы высланы в Сортавальский райвоенкомат. Впоследствии исполком горсовета добился изготовления и установки мраморных плит с указанием всех захороненных в данной

братской могиле. С тех пор имя моего отца и его товарищей было высечено в камне. Однако, как именно погиб отец, я не знал. В Подольском архиве мне дали

ознакомиться с его послужным списком и последней автобиографией, написанной им лично при окончании Академии связи. В Российском военном архиве я провел много времени, читая «Журналы боевых действий 34-ой танковой бригады», приказы, ежедневные отчеты комиссара бригады, радиограммы из окруженной части, представления к наградам, списки безвозвратных потерь бригады. Мне удалось найти нескольких однополчан, но никто из них лично отца не знал. Они остались живы, так как выходили из окружения с колонной, которую вел начальник политотдела 18-й СД майор Алексеев З.Н.. А колонна, в которой выходило большинство офицеров, погибла полностью.

Возникновение идеи мемориала

Путешествуя с детьми в районе, где была Полтавская битва, мы обратили внимание на памятник, который Петр I поставил погибшим в бою шведским воинам. Запомнились памятники французским гренадерам, павшим в Бородинском сражении. Бывая в Долине героев, я видел, что ветераны стремятся или заказать, или сами сделать и установить памятные знаки с названием своей части. Мне пришло в голову, что нужно сделать Мемориальный памятник погибшим советским и финским воинам в 1939-40 гг., и на одной грани постамента перечислить советские воинские части и подразделения, сражавшиеся в Питкярантском районе, а на другой - финские. А продолжением граней сделать пилоны с перечислением погибших воинов обеих армий. Поскольку это был бы мемориал жертвам войны, то и сам памятник предлагался в виде уткнувшегося в препятствие (надолб) подбитого танка БТ-5, символизирующего потери советских воинов, а перебитый танком надолб символизировал бы финские потери. Этот памятник, по моей мысли, должен был подвести черту под затянувшейся неприязнью, недосказанностью, открыть дорогу с обеих сторон для ветеранов, для семей погибших, для юных патриотов и следопытов. А затем, может быть, открыть дорогу и туристам. Подразумевалось, что при исполкоме горсовета Питкяранты должна быть комиссия по созданию памятника и открыт расчетный счет для перевода средств на строительство. В 1990 году исполнилось 50 лет со дня окончания советско-финской войны. Я поехал в Питкяранту. Туда же приехали три танкиста из 381-го отдельного танкового батальона при 18-ой стрелковой дивизии, воевавшие в здешних местах: Трегубенко А. И., Кушнаренко В.В. и Раковский М.Д. И хотя во всей стране этот юбилей не отмечался, и финская война по-прежнему замалчивалась, горсовет Питкяранты, военный комиссариат и отделение ВООПИК устроили ветеранам теплую встречу, организовали поездку по местам боев от Кяснясельки до Руокоярви, устроили «круглый стол» в редакции газеты «Новая Ладога» с последующей публикацией беседы с нами корреспондента Л.М. Сузи. Вероятно, было проведено единственное во всем СССР собрание, посвященное юбилею. На нем выступили Себин В.Ф., В.М. Звездин, председатель общества ВООПИК П.И. Карпов, военком А.П. Шабликов, все ветераны и я как сын погибшего на этой земле офицера. В решении было записано продолжить военно-патриотическую работу, улучшить экспонаты в музее Боевой Славы, приложить усилия по поднятию из болота танка времен финской войны с установкой его у музея. Рассматривалась проблема

возрождения финских кладбищ. На этом собрании я впервые рассказал об идее памятника погибшим советским и финским воинам в 1939-40 г.г. в Питкярантском районе. В городском фотоателье мы сфотографировались на память. Пришли ответы на мои письма, посвященные юбилейной дате. Посол Финляндии Хейкки Талвитие от лица президента Финляндии отметил, что откровенный обмен мнениями и самокритичность углубляют наши знания и содействуют устранению чересчур прямолинейных оценок событий 50-летней давности. Такая открытость укрепляет наши отношения и является доказательством стабильности нынешних добрососедских финляндско-советских отношений, а также залогом их развития.

ЦК КПСС переслало мое письмо во всесоюзный совет ветеранов войны и труда. Секретарь Совета т. А. Никоноров написал, что они разделяют мои взгляды и оценки относительно финской войны, согласны, что «тысячи советских воинов, свято выполнявших свой долг перед Родиной на полях сражений, незаслуженно оказались в забвении». Посетовал, что мое письмо пришло тогда, «когда ставить вопрос о проведении торжественного собрания и объявления минуты молчания в Верховном Совете СССР в связи с 50-летием окончания войны было уже поздно».

Битва за памятник

Я решил не отступать. На двух страницах сжато изложил свое предложение о необходимости создания «Памятника погибшим советским и финским воинам в 1939-40 гг.» с указанием места его установления и на компьютере напечатал более десяти экземпляров. К каждому я приложил рисунок памятника. Заказные письма пошли в адрес министерства культуры Карельской АССР, в горсовет Питкяранта, в финский музей города Каяни в Петрозаводскую газету «Северный курьер», в «Новую Ладугу» и др. адреса, И.о. министра культуры Карельской АССР ответил, что они не могут в настоящее время поддержать эти предложения, т.к. нет более высшего решения «о необходимости и своевременности его сооружения». Заместитель председателя Питкярантского горсовета М.А. Угрюмое наоборот отметил, что «принципиально поддерживаем идею создания памятника погибшим советским и финским воинам в 1939-40 г.г. в Питкярантском районе, но в настоящее время взять на себя роль организатора этой работы возможности не имеем...», «... исполком готов оказывать помощь

в некоторых вопросах (материальные ресурсы, подрядчик, автотранспорт и т.д.)». Директор музея в Каяни, г-н Хейкки Рюткеля написал: «Дело: памятник близко к поселку Леметти. Считаю Ваше предложение для памятника хорошей основой детального планирования. Я надеюсь, что Ваше предложение принесёт положительный результат».

Все это время мы, конечно, переписывались с Себиным Василием Федоровичем. И вот однажды я получаю письмо, где он пишет, что председатель горсовета Питкяранты принял решение о строительстве совместного памятника погибшим советским и финским воинам в 1939-40 гг. в Питкярантском районе и просит узнать, как надо устраивать конкурсы, какие необходимы документы.

А я тогда как раз работал в проектно градостроительном институте. Один из ведущих архитекторов, как оказалось, сам воевавший в финскую войну, участник многих жюри в различных конкурсах, дал мне перечень необходимых документов и положений, которые я тут же отправил в Питкяранту. В это время мне позвонил С.М. Тихомиров, отец которого также служил в 34-ой легкотанковой бригаде и погиб в январе 1940 г. Он был в Питкяранте, ему там все показали и посоветовали обратиться ко мне, может быть, по танковой бригаде я ему чем-то помогу. Так оно и вышло. Я просмотрел свои записи и нашел подробности гибели его отца: М.И. Тихомирова, младшего лейтенанта 179-го мотострелкового батальона, погибшего и захороненного у села Уома. Сергей Михайлович встретил в Питкяранте ветерана финна, который ему рассказал, что должна быть «могила трех генералов», где-то вблизи «хоздвора». Так называют могилу командира 34-ой танковой бригады С.И. Кондратьева, начальника штаба И.А. Смирнова и начальника политотдела бригады Г.А. Теплухина, Я ответил, что в архиве имеется схема всех захоронений, в том числе указана и эта могила. Но важнее создать сначала памятник всем погибшим, а потом уж заняться могилой генералов. Он согласился и с жаром включился в поиски средств для создания памятника. Ему удалось убедить некоторых крупных чинов в стройиндустрии при правительстве Москвы в необходимости поддержки создания памятника. Вскоре был объявлен банковский счет на строительство памятника. Мы сами перевели туда деньги, через газеты обратились ко всем ветеранам и к тем, с кем поддерживали связь, с просьбой сделать то же самое. В Питкяранту собирались понемногу на конкурс варианты памятника. Я спохватился, что тот рисунок, который рассылал, не является официальной заявкой, и засел срочно делать макет памятника. Цоколь сделал из пенопласта, в качестве танка использовал большой игрушечный танк из магазина, а вместо надолба приладил большую надломленную сваю. Мне не удалось поехать на конкурс в Питкяранту. Туда отправились С.М. Тихомиров и московский скульптор В.Ф. Быков. Там был образован организационный комитет по созданию памятника. Председателем избрали бывшего депутата Верховного Совета СССР Станислава Васильевича Пильникова, его заместителем - В.Ф. Себина. Представителем Москвы вошел в комитет С.М. Тихомиров. Были рассмотрены присланные работы участников. Мощнее всех был представлен Петрозаводск. Несколько человек приехали со скульптором Лео Фомичом Ланкиным. Он предложил на конкурс даже два варианта памятника. Было несколько макетов финских скульпторов, два от Москвы и один от Ленинграда. Жюри остановило свой выбор на проекте «Крест Скорби»: две женщины сплелись в скорби лицом к лицу в кресте. Совсем нет деталей, но очень сильное настроение создает эта композиция: тоска и недосказанность. Были и противники: «...Тогда наши бойцы и представить себе не могли бы, что им придется лежать под крестом». А один скульптор сказал, что вместо памятника мы получили в лесу женские торсы. Но решение жюри было принято. Ланкинен, выиграв первую премию, приступил к созданию макета памятника. А о моем варианте сказали: «надоели эти танки на постаментах». Но, во-первых, танки надоесть не могут. А во-вторых, жюри не вдумалось в суть замысла: погибшим солдатам памятник! То есть он должен был быть военным мемориалом, информативным, заключительным!

«Крест Скорби»: это памятник-настроение, памятник-отчаяние, а как сказал на открытии один священник, «пребывать в скорби - это грех».

А дальше потекли годы... Средства то собирались, то таяли. Скульптура была сделана в уменьшенных размерах. На этом дело затормозилось. Дальше - больше. Бандиты напали на Лео Ланкинена, сильно избили. Он вскоре умер. Скульптуру стал доделывать его брат - Геннадий Ланкинен. Но через некоторое время умирает и он. Все ветераны, мы - дети погибших, опечалились, что дело совсем остановится. Мне писал из Харькова А.И. Трегубенко: «Эх, съездить бы на открытие нашего памятника, а там можно и умирать». Но за дело взялся мастер художественного цеха Эдуард Александрович Акулов, который обычно делал памятники по макетам скульпторов. Однако Ланкинены творили, получив премию за проект, а за что должен был работать Акулов? Начали поступать средства на завершение памятника благодаря хлопотам оргкомитета, а также бурной деятельности С.М. Тихомирова, который ходил в поисках денег то к предпринимателям, то к Ю.М. Лужкову, а Президенту РФ он отправил более сотни писем. По его обращениям устраивали проверки за проверками, правда, прокуратура Карелии не нашла злоупотреблений со средствами на памятник. В своих статьях Тихомиров начал называть себя автором идеи памятника жертвам Финской войны. На что Себин В.Ф. в одном из писем написал: «Передайте С.М. Тихомирову привет. Постараюсь дать ему ответ на поставленные им вопросы. Мне только непонятно, почему он себя везде в СМИ считает инициатором создания памятника. Я же говорил и говорю, что инициатором был и есть И.Г. Клещевников. Бог с ним, если он хочет возвысить себя».

Администрация Республики Карелия уже поняла важность окончания проекта, его международное значение, увеличение количества туристов-скандинавов, возможное улучшение экономики района. После смерти Э.А. Акулова памятник завершают его сын и дочь. В это время архитекторы-ландшафтники на местности пробивают дорожки, подсыпают грунт, укрепляют место для будущей скульптуры. По замыслу, недалеко от скульптуры должен стоять мемориальный камень. С трудом был найден и перевезен валун весом в 8 тонн. Для натуральности на нем был сохранен мох и лишайник.

Открытие

Наконец мы получаем официальное письмо-приглашение от Председателя Правительства Республики Карелия С.Л. Катанандова: на 27 июля 2000 года назначено открытие памятника. Как совершенно справедливо написала Т. Куртякова, без активной поддержки главы городской и районной администрации В.Г. Захарова, С.В. Пильникова, А.В. Логинова, В.М. Звездина, И.С. Жадановского, А.М. Чернякова, Н.В. Пеккоевой и всех-всех питкьярантцев памятника не было бы. Но он есть! Большое искреннее спасибо за это! Когда мы были на открытии «Креста Скорби», нас отлично принимала администрация города, ее чуткие

помощники-кураторы. Не говоря об устроенном быте и питании, мы каждый день могли навещать дорогие нашему сердцу могилы, возложить цветы своим близким и их однополчанам. Было видно, что могилы ухожены, на них появляются все новые уточняющие надписи боевых частей, фамилии захороненных. Какую большую работу проводит администрация города и военный комиссариат!

Ветераны

Присутствие на открытии памятника ветеранов второй мировой войны из города Куопио и наших, воевавших под Питкярантой в Отечественную войну, создавало торжественность и значительность происходящего. И очень жаль, что прошло практически незамеченным присутствие ветерана финской войны, воевавшего в составе 18-ой стрелковой дивизии, Алексея Ивановича Трегубенко. Он прошел боевой путь от Кяснясельки через Уома и Леметти до Руокоярви. У его танка в бою заклинило башню, он проделал путь до рембазы 34-ой легкотанковой бригады в Леметти и после ремонта снова вернулся в бой. Когда все танки их 381-го отдельного батальона были подбиты, комбат послал их с механиком пробиться в расположение 168-ой стрелковой дивизии. С лодкой-волокушей они в районе Койриноя пробираются под железнодорожным мостом и притаскивают к своим полную лодку патронов и продовольствия. Вокруг идет жаркий бой. Их посылают снова. Когда они подбирались к мосту, видно было, как тени финских лыжников окружают дорогу. Открыв огонь из ручного пулемета, им удается вновь прорваться в расположение 168-ой дивизии. Но обратного пути нет - за мостом были уже только финны.

До конца военных действий они воевали в составе этой дивизии, а после заключения мира их направили на захоронение погибших в Долине смерти. Алексей Иванович видел тело комбрига Кондратьева С.И. Он был в районе штабов в южном Леметти, видел трупы второй колонны, вышедшей в сторону Уома и напоравшейся на штаб финской добровольческой части. У него цепкая память, он и в этот раз показывал нам, где что происходило,

показал В.А. Волковой, дочери погибшего начальника штаба батальона 316-го полка 18-ой стрелковой дивизии, с которым вместе дрались его танкисты, наиболее вероятное место гибели ее отца. Вот кого бы возить на «Волге», устроить встречу с прессой, представить финской делегации. К нему бы приставить кого-то из отдела культуры, и проехать по местам боев, записывая все его воспоминания. А уж если говорить о жертвах финской войны,

то на открытии были дети этих жертв: Альберт Иванович Мышкин с дочерью Леной, Роман Иванович Мышкин, Сергей Михайлович Тихомиров, Валентина Александровна Волкова (по отцу -Пашук), Игорь Геннадьевич Клещевников. Но это почему-то никому не было интересно, и о них не было написано ни в одном газетном отчете.

Нам с А.И. Трегубенко и Н.Д. Мушенковым удалось попрощаться с В.Ф. Себиным. Василий Федорович столько сделал для создания памятника, а побывать на открытии не смог, хотя сказать людям ему всегда было что. Можно было бы записать его небольшое обращение на пленку и включить при открытии памятника. Прочитав в

«КРЕСТ СКОРБИ», ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ

Добавил(а) Administrator

07.12.11 09:03 - Последнее обновление 27.08.12 15:50

«Новой Ладоге», что звание «Почетный гражданин г. Питкяранта» присуждено О.Ф. Власовой, от души поздравляю ее.

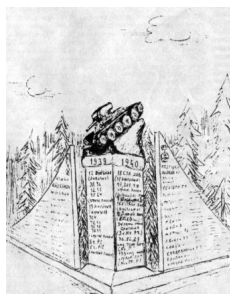
Отмечен такой нужный всем жителям человек, надежный и чуткий.

В свою очередь вношу предложение на сессию горсовета включить в списки Почетных граждан города Себина Василия Федоровича. Это предложение от моей семьи и, надеюсь, нас поддержат все горожане.

И. КЛЕЩЕВНИКОВ. г. Москва. 2000 год.

Москва, март 1939 г. инженер связи 34 ЛТБр майор
Г.Т.Клещевников (убит 28. 02. 1940 г.)

«КРЕСТ СКОРБИ», ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ

Добавил(а) Administrator

07.12.11 09:03 - Последнее обновление 27.08.12 15:50

проект памятника погибшим советским и финским
воинам в 1939-1940 г.г. в районе Леметти развилка дорог Петрозаводск Сюскюярви
(автор
И.Г.Клещевникое)

Встреча на 50-летие окончания Финской войны. Слева направо, сидят: боец кавдивизиона ЩУКА Д.А., танкист 381 ОТБ 18 СД ТРЕГУБЕНКО А.И., ветеран Отечественной войны основатель музея Боевой Славы СЕБИН В.Ф., стоят: механик-водитель КУШНАРЕНКО В.В., автор рукописи сын погибшего офицера 34 ЛТБр исследователь КЛЕЩЕВНИКОВ И.Г., командир танка 381 ОТБ РАКОВСКИЙ М.Д.

Читайте так же [Встреча в музее](#)